

§1 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ

Е.А. Попов

КОНСТИТУЦИИ МИРА – ЦЕННОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена важной проблеме, на которую в последнее время все чаще обращают внимание не только правоведы, занимающиеся исследованиями в различных областях юридической науки, но и специалисты социально-гуманитарного знания – философы, историки, культурологи, социологи и другие. Речь идет о Конституции прежде всего как о предмете аксиологических суждений. Традиционный взгляд на Основной закон государства как на нормативно-правовой акт высшей юридической силы дополняется необходимостью рассматривать Конституцию как метатекст, открытый в культурное пространство, как ценность цивилизации, определяющую вектор развития государственности в тот или иной исторический период. Междисциплинарный характер интерпретации феномена Конституции позволяет прежде всего в методологическом плане увидеть своеобразные социокультурные «скрепы», которыми связываются общество, государство, культура и человек. Такой подход позволяет использовать полученные выводы для расширения эвристических границ в познании Конституции как ценности и духовно-консолидирующей силы.

Ключевые слова: Юриспруденция, Конституция, Общество, Ценность, Цивилизация, Норма, Государство, Правосознание, Метатекст, бытие

Национальный дух и философия государства всегда подчеркивались не только определенным набором ценностей и беспримерными дискуссиями о менталитете, но и конституциями как основными законами государства. Именно в таком ключе — как основной закон — любая конституция обретает свой путь в правовом пространстве, определяет судьбы стран и народов, устанавливает присущую им систему политических, экономических, социальных и прочих связей и отношений. Вместе с тем любая конституция проживает жизнь со своим народом, отражает его чаяния и стремления, заблуждения и разочарования, формирует некий социально-исторический фон, становящийся основой проведения судьбоносных для государства преобразований и трансформаций. Как правило, конституция страны — это совсем небольшая по объему книжица, но по своей онтологической силе и мощи правового воздействия способная противопоставить Злу Добро. Конституции мира всегда считались оплотом цивилизации, они становились мерой государственности, определяющей жизнеспособность страны, ее авторитет на международной арене, ее характеристики и свойства, которые запечатлевают образ страны в сознании ее граждан, порождают ассоциативные ряды, никак не разделяющие человека и государство, а напротив, сближающие их, высвечивающие слитность человека с душой и духом своего народа. За этими словами кроется, как нам кажется, вовсе не пафосная установка на, быть может, излишнее возвеличивание конституции, — в действительности только конституция способна примирить людей во враждующих лагерях и

только конституция может открыть человеку самые важные истины государственной жизни — способно ли государство защитить человека и гарантировать ему свободу совести и убеждений, презумпцию невиновности, избирательное право, право на частную собственность и т.д.

Пожалуй, каждое государство берет свое начало именно с конституции. Поэтому для любого государства конституция — это своего рода книга цивилизаций; далее мы будем писать это слово только с заглавной буквы, тем самым признавая главенство основного закона не только в системе права, но и в системе ценностно-смысловой, порождающей культуру, влияющей на духовную жизнь человека и общества. С этой точки зрения Конституция представляет собой феномен, который порождает множественность смыслов: очевидно, что Конституция, например, как метатекст апеллирует к традиционным устоям народа, связывает воедино символы повседневного бытия и социокультурной реальности. Так, например, Ульрих Шмид в своей статье «Конституция как прием»¹ рассматривает российскую Конституцию как источник нарратива, преломляющегося в сказочном, комедийном, трагическом или драматическом поведении персонажей истории — представителей различных социальных сословий: рабочих, крестьян, трудящихся, интеллигенции, а также деятелей государства, чиновников. Возвращаясь к самому началу

¹ Шмид У. Конституция как прием (риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России) // Новое литературное обозрение. 2009. № 6.

Государственные институты и правовые системы

Конституции РФ 1993 года, У. Шмид, в частности, замечает: «Литературное прочтение текста действующей российской Конституции высвечивает прежде всего ее хрупкость. Уже в преамбуле сочетаются взаимопротиворечивые утверждения, а цельность текста обеспечивается благодаря пафосу...»². Однако именно в преамбуле Конституция России обнаруживает важнейшие консолидирующие акценты в коллективной и индивидуальной жизнедеятельности людей – «общая судьба на своей земле», «гражданский мир и согласие», «общепризнанные принципы равноправия и самоопределения народов», почитание памяти предков и т.д.

Более традиционным, конечно, является рассмотрение Конституции с точки зрения её юридического значения. Действительно, Конституция как нормативно-правовой акт имеет свою определенную структуру, отражает преломление различных правовых институтов и норм во всех общественных отношениях, а Конституция как исторический документ свидетельствует об определенных этапах ценностных исканий народа в довольно протяженном отрезке времени, нередко на протяжении более двух столетий. Как видим, Конституция — явление многогранное и требующее к себе соответствующего отношения: интерпретацией конституционного целого занимаются и историки, и лингвисты, и социологи, и культурологи — помимо собственно правоведов, которым по долгу службы приходится иметь дело с Конституцией, но правда, именно как специальным актом государства, имеющим прежде всего юридическую силу и ценность. Не всегда, конечно, интересы исследователей совпадают в пространстве изучаемого объекта — правоведы прежде всего обращают внимание на нормативно-правовой аспект конституционного строительства и развития конституционализма, для представителей же других областей социогуманитарного знания важное значение приобретают именно ценностно-смысловые ориентации содержания Конституции государства. Но и среди юристов в последнее время все чаще объективируется интерес к онтологическим уровням бытования Конституции; это свидетельствует по меньшей мере о смене некоторых методологических приоритетов в исследовании конституционных значений. Как известно, для правоведения на протяжении десятилетий незыблемым оставался нормативный (или нормативистский) подход в изучении юридических феноменов, явлений и процессов, однако сегодня он явно не способен в достаточной степени раскрыть всю полноту и самоценность этого инструментария. Поэтому нередко появляются работы, в которых проблематика связи конституционных значений с мировоззренческими установками или социокультурными принципами человеческого коллективного и индивидуального бытия заявляет о себе со всей очевидностью. Так,

например, Е.В. Сазонникова в диссертационном исследовании «Наука конституционного права России и концепт “культура”: вопросы теории и практики»³, определяя в качестве цели работы создание научно обоснованной концепции формирования и развития в науке конституционного права России знания о культуре как целостности и о возможностях применения этого знания на практике для совершенствования конституционно-правового законодательства и образования, приходит, на наш взгляд, к важному заключению о том, что концепт «культура» должен рассматриваться как один из первичных элементов конституционно-правовой науки⁴. Приоритетность культурных смыслов для юридической науки в целом и различных ее отраслей в частности касается не только специфики приобщения человека к правовой культуре, что наиболее часто встречается в рамках правовых исследований различной направленности, но и самой основы права — его нормативных систем и принципов.

Как известно, в юридической науке двадцатого столетия и нового века интерес к исследованиям Конституции или конституций нисколько не ослабевает. Хотя на первый взгляд давно уже складывается впечатление о том, что трудно придать научному поиску в этом отношении вектор новизны, и кажется, все более отчетливо звучит мнение об исчерпанности этой проблематики, однако почти метафизический и сакральный смысл *конституционного*, неизмеримости его ценностных доминант, онтологичности и непреложности исключает ситуацию забвения данного исследовательского направления. В правовом дискурсе, который за последние десятилетия заметно обогатился правоприменительной практикой, связанной с нормами конституционного права, обнаружилось стремление связать развитие конституционализма с широким историко-правовым контекстом. Вместе с тем, Конституция давно перестала быть только символом правовой целесообразности, необходимости, свидетельством человеческой рациональности и системе мировоззренческих координат претендует едва ли не на библейскую роль. Можно сказать с уверенностью о том, что Конституция помимо того, что продолжает оставаться заданной программой гармонизации человеческих коллективных и индивидуальных взаимоотношений, обретает статус сакрального знания. Этот философский уровень значительно расширяет горизонт мнений о Конституции, о ее роли в жизни человека, общества, государства. «При анализе такого явления, как духовность, — отмечают исследователи Г.В. Платонов

² Шмид У. Указ. соч. С. 110.

³ См.: Сазонникова Е.В. Наука конституционного права России и концепт «культура»: вопросы теории и практики: Автореф. дисс...д-ра юрид. наук // Сайт ВАК Минобрнауки РФ: <http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=15260&from54=3>

⁴ Там же. С. 14.

и Е.Ю. Новикова, – необходимо...различать исторически устойчивые черты, составляющие национальный характер, и черты личности, которые формируются у индивида, у тех или иных слоев общества под влиянием конкретных условий исторического развития»⁵. Связь Конституции с народом определенно указывает на те самые *исторически устойчивые черты*, которые во все времена связывали этнос в единое целое, консолидируя разрозненное население в гражданское общество. Как полагает, к примеру, Б.С. Эбзеев, «в отечественной юриспруденции достигнуто согласие в том, что речь в данном случае (в условиях трактовки Конституции как «неотъемлемой части действующего права» – Е.П.) идет об интеграции конституционных установлений в социальную практику, т.е. конституционализации всех сфер государственной деятельности и всей системы общественных отношений»⁶. Ситуация выглядит амбивалентной: Конституция априори должна обладать такой устойчивостью, стабильностью, интегратором общества и государства, но, как известно, концептуально оформляя веяния эпохи, традиции и ценности людей, в большей степени подвержена реформам вслед за меняющимся миром, за меняющимся человеком. О трансформациях конституционных правовых норм свидетельствуют серьезные юридические исследования, а между тем в области изучения онтологических свойств конституции и ее установлений вектор научного поиска, на наш взгляд, только намечается. Примечательно, что правоведы все чаще обращают внимание на осмысление феномена и проявлений конституционализма не только в юридическом, но и в историческом, политическом, культурологическом и философском аспектах. Так, Е.В. Сазонникова, к примеру, высказывает мысль, согласно которой в культурологическом измерении конституционализм становится «источником новых явлений в культуре и предстает в качестве элемента культурного пространства, выполняющего специфическую функцию сохранения и обновления нормативно-ценностного опыта конституционно-правовых взаимоотношений государства, различных социальных групп, личности»⁷. К этому остается лишь добавить – принципы конституционализма в любом истолковании этого феномена – правовом или каком-либо ином – могут быть адекватно восприняты только через призму *культуроцентричности* отношений общества, государства, человека; и здесь имеется в виду не только

культура правовая, определяющая эффективность таких отношений, но и в целом культура духовная, открытая человеку, обществу, государству, миру.

Нечасто можно встретить именно такое – *когнитивное* отношение к Основному закону в государстве. Оно, по-видимому, не имеет четкого выражения в правовой науке, но в философии и социологии права необходимость в оценках консолидирующего воздействия Конституции на мир, человека в мире многократно возрастает. Это связано с концептуальным пересмотром духовного наследия человечества, его преобладавшими в ушедшем двадцатом столетии постмодернистскими интерпретациями. По крайней мере, выход за рамки представлений о Конституции только как об основном законе, содержащем исключительные в своей юридической иерархии нормы права, сам по себе является фактом примечательным. Кстати, такая тональность иногда прослеживается и в работах известных и авторитетных государствоведов или «конституционалистов». Так, Б.С. Эбзеев, например, пишет: «Будучи результатом творчества людей, Конституция призвана в упорядоченной форме выразить закономерности организации и функционирования социума и места человека в нем. Речь идет о рационализации форм социального бытия и их стабильного существования как главного условия эволюционного (а не революционного) развития»⁸. Конечно, в любом случае доминирует уклон именно в рациональную сторону концептуализации норм Конституции, но это есть определяющая характеристика всякой системы права, поэтому соответствует реальному положению дел в полной мере. Но Конституция – это *прием*, связующий человека с социумом. Это супертекст, нуждающийся не только в юридическом прочтении, но и в риторическом, а иногда и в литературном. Правда, по словам Л.С. Мамута, «довольно многим членам общества мнится, будто сам *текст* (курсив наш. – Е.П.) Конституции способен источать из себя поток материальных и социальных благ для каждого. <...> У человека, который этими иллюзиями живет, спонтанно возникает недоверие к Конституции, появляется разочарование в ней. Усугубляет его “открытие” то, что Конституция как таковая – вовсе не “скатерть-самобранка”, благодетельствующая без разбора всех и сразу»⁹. В такой резко эмоциональной оценке усматривается своеобразный призыв автора к защите Конституции от нападков со стороны тех, кому она чего-то в свое время недодала, чем-то, быть может, обделила, кто не осознал истинного предназначения этого текста. На самом деле текст Конституции таит множество интересных с точки зрения жанровой природы человеческого творчества та-

⁵ Платонов Г.В., Новикова Е.Ю. Духовность русского народа и наши реформы // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 6. С. 294.

⁶ Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7. С. 5.

⁷ Сазонникова Е.В. Конституционное право и концепт «культура»: монография. Воронеж, 2011. С. 82.

⁸ Эбзеев Б.С. Указ. ист. С. 5-6.

⁹ Мамут Л.С. Конституционные основы современной российской государственности // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 54.

Государственные институты и правовые системы

инств, ведь в действительности любая конституция и есть акт народного творчества. Но все же она в полной мере не исчерпывает и, по-видимому, не может исчерпать дополнительных коннотаций, придающих каждый раз новый ракурс в оценках конституционного целого¹⁰. В то же время по-прежнему в современной юридической науке нередко в качестве генеральной идеи выдвигается положение о том, что «российское конституционное законодательство представляет собой *сложившееся явление* (курсив наш. – Е.П.), обладающее особой правовой природой и соответственно определённой совокупностью черт...»¹¹. Предлагаемая в этом случае аргументация лежит в плоскости регулятивного воздействия права, но при этом онтологические характеристики правовой системы практически в расчет не берутся. С учетом этого обстоятельства полагаем, что конституционное законодательство все же не однозначно может быть отнесено к «сложившимся явлениям», всякий раз получая все новые и новые интерпретации, заслуживающие внимания правовой науки.

Ценностно-смысловые характеристики позволяют выявить некоторые общие закономерности формирования и развития конституционного целого в Основных Законах различных стран мира. Но очевидно, что некое главное направление в таких схождениях содержится во Всеобщей декларации прав человека, принятой в декабре 1948 года. В частности, этот международный документ постулирует такие ценности для любого общества, которые могут называться общечеловеческими и сомнения в пользу которых отменяются любым обществом, – речь идет о свободе, справедливости и всеобщем мире. Примечательно, что в отечественной культуре на первый план выходят ценности аскезы и отречения от мира, прежде всего, согласуемые с православной культурной традицией¹². И если при этом Всеобщая декларация утверждает *всеобщий мир* в качестве духовно-консолидирующей силы государств и народов, любая культурная традиция способна пересмотреть этот постулат с учетом присущих только ей особенностей, – в данном случае, разумеется, отречение от мира связы-

вается с внутренней потребностью человека, поиском его alter ego, а не с целью противостояния всему миру.

Конституции мира нередко и даже можно сказать, что довольно часто используют конструкцию всеобщности, характеризуя самые различные стороны государственной жизни или социального бытия. Действительно, всеобщий – значит, единый для всех, касающийся любого, интегрирующий и объединяющий. Всеобщий характер ценностных установок очевиден – любое общество на протяжении всей истории своего развития формировало определенную систему таких ценностей и норм, которые бы согласовывались с традициями, обычаями, другими ценностно-нормативными феноменами и удовлетворяли интересам народа. Так, например, в преамбуле Конституции Соединенных Штатов Америки в качестве основного тезиса конституционализма и развития государственности приводится мысль о всеобщем благоденствии¹³. В этой связи российская Конституция 1993 года очень точно, на наш взгляд, но с другой стороны, как-то с акцентом на некую безысходность и безликость приводит в преамбуле постулат о соединенности многонационального народа России *общей* судьбой на своей земле, а одной из основных задач развития государственности называет обеспечение благополучия и процветания России. Здесь уместно добавить, что благополучие и процветание Отечества связывается в том числе и с закреплением за Российской Федерации конституционной характеристики социального государства: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (статья 7 Конституции России). Из большого числа конституционно-правовых категорий, пожалуй, именно две эти – достойная жизнь и свободное развитие человека – вызывают наибольшие дискуссии: человеческий и социальный смысл в них усматривается с очевидностью, а вот нормативно-правовое значение, по крайней мере, за скобками Конституции угадывается с трудом. Вместе с тем социальное самочувствие россиян выглядит, по исследованиям социологов, весьма посредственным, а восприятие будущего россиянами – далеким от предвидения достойной жизни и свободного развития человека.¹⁴ Некоторые исследователи, к слову сказать, приходят к выводу о том, что «индивидуалистический» подход в решении важных государственных и социальных задач связан с некоторым креном российского мировосприятия в сторону довлеющих над человеком, правом и культурой денежных отношений начала 90-х годов –

¹⁰ Сам термин «конституционное целое», как нам кажется, нуждается в пояснении; ключевым моментом здесь становится осознание того, что Конституция – это не только данность, конкретный текст или конкретный нормативно-правовой акт, а нечто большее, способствующее возникновению равноуровневых отношений, связей, процессов и явлений, многие из которых приобретают выраженный онтологический статус.

¹¹ Аничкин Е.С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце 20 – начале 21 вв.: Автореф. дисс. на соиск. уч. степени д-ра юр. наук. С.9 // Сайт ВАК Минобрнауки РФ. Объявления о защите докторских диссертаций. Юридические науки.

¹² См., например: Громов М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. 1994. № 1.

¹³ См.: Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. М., 2004. С. 450.

¹⁴ См., например: Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3.

времени формирования конституционализма в России. Об этом, в частности, размышляет И.К. Пантин: «Ирония истории: утверждение индивидуальности, человеческого достоинства, равно как и чувства ответственности, внутреннее раскрепощение личности стало миссией не социализма...а буржуазного развития России после 1991 г.»¹⁵ Нужно, однако, добавить, что категории достоинства и свободного развития личности нашли свое место в статье 22 Всеобщей декларации прав человека и по аналогии были восприняты многими Конституциями.

В Конституциях российского государства, прошедших от начала до конца двадцатого столетия, идея всеобщности находила свое воплощение по-разному, но в целом ее реализация выглядела довольно воинственно, с коннотациями агрессивности, с лексикой пафосной. Так, например, Конституция РСФСР 1918 года в главе второй приводит в качестве основной задачи органов власти «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, становление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах...»¹⁶ Примечательно, что идея всеобщности связывается в указанной Конституции с финансовой политикой, которая «в настоящий переходный момент диктатуры трудящихся способствует основной цели экспроприации буржуазии и приготовления условий для всеобщего равенства граждан республики в области производства и распределения богатств»¹⁷ В Конституции 1937 года этот воинственный запал почти сходит на нет, но все же во второй статье его отголоски еще присутствуют: «Политическую основу РСФСР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата»¹⁸. Завоевательная риторика в значительной степени характерна для первых российских конституций, и она является продолжением тех политических противоречий, которыми была отмечена вся первая половина XX века. При этом выброшенный за борт истории человек никак не мог заявить о себе в полную силу по понятной причине – его права и свободы находились под залогом у государства.

Конституция РСФСР 1937 года отвела основным правам и обязанностям граждан одну из своих последних глав – одиннадцатую. Такое местоположение норм о правовом статусе личности говорило открыто о том,

что всё человеческое государству чуждо, а одним из главенствующих прав человека становилось право на труд – в статье 122 видим: «Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы»¹⁹. Несколько изменилась ситуация с принятием в 1978 году следующей Конституции РСФСР, в которой, как известно, второй раздел носил название «Государство и личность» по понятной причине с акцентом на интересах государства, прежде всего. В то же время, к примеру, Конституция Королевства Испании, принятая в 1978 году, посвятила первый раздел основным правам и обязанностям и запротоколировала, что «достоинство личности, неотчуждаемость ее неотъемлемых прав, ее свободное развитие, уважение к закону и правам других являются основой политического порядка и социального мира»²⁰. Глава вторая в испанском Основном Законе поделена на две секции – Секция 1 «Об основных правах и гражданских свободах» и Секция 2 «О правах и обязанностях граждан». Немного скованно представлены права и свободы человека и гражданина в Конституции Японии, вступившей в законную силу в 1947 году. Общеизвестно, что высокая степень традиционализма в восточных государствах делает нормы в их Основных Законах слепками с социокультурной реальности. Не случайно Конституция Японии представляет права и свободы своих граждан в качестве нерушимых вечных прав, передаваемых от нынешнего поколения к будущему. А статья 15, например, устанавливает, что «все должностные лица органов публичной власти являются слугами всего общества...»²¹. Сервильный подход, просматривающийся даже в установлениях правового статуса личности, в данном случае вызван как раз спецификой культурных отношений – служение народу обретает очень важную социокультурную черту в японской среде. При этом статья 12 устанавливает, что «Свободы и права, гарантируемые народу настоящей Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа»²².

Конституции занимает важнейшее место в системе ценностей цивилизаций не только потому, что они есть руководство к развитию государственности, налаживанию отношений между различными субъектами правоотношений, но и по той причине, что они способствуют универсализации ряда важнейших духовно-консолиди-

¹⁵ Пантин И.К. Ленин – большевизм – русская революция // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 64.

¹⁶ Конституционное право России: Хрестоматия / Сост. А.П. Угроватов. Новосибирск, 2000. С. 510.

¹⁷ Там же. С. 521.

¹⁸ Там же. С. 538.

¹⁹ Там же. С. 552.

²⁰ Цит. по: Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. М., 2004. С. 482.

²¹ Цит. по: Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. М., 2004. С. 478.

²² Там же.

Государственные институты и правовые системы

рующих явлений для многих народов и континентов. Как отмечает И.И. Кравченко, «ценности объективны не потому, что они независимы от человека, разума, истории, действительности, а потому именно, что они порождаются этими универсальными началами, которые обладают собственной объективностью: человек объективен по отношению к другим людям, сообщество людей объективно по отношению к индивиду; история объективна по отношению к действительности и человеку, живущему в ней...»²³ Объективность ценностей, как видим, определяет их универсальный характер, значимость для культур и цивилизаций. Так, Основной закон Федеративной Республики Германии (1949) определяет ценность ответственности государства перед будущими поколениями (ст. 20 – включена в Основной Закон в 1994 г.²⁴); подобная формулировка свойственна и Федеральной Конституции Швейцарской Конфедерации (1999), появляющаяся уже в преамбуле – «сознавая общие достижения и свою ответственность перед будущими поколениями»²⁵, и характерна также для российской Конституции 1993 г., ее преамбулы – «...исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями...» Межпоколенческое взаимодействие, таким образом, становится непреложной ценностью для различных народов и культур; оно рассматривается и как определенный вектор дальнейшего развития государства, и как важнейший процесс, обеспечивающий неотвратимость ответственности субъектов права, но главное – оно задает определенную тональность конституционного строительства.

Итак, Конституции различных стран мира – это не только свидетельства соответствующего международным стандартам формирования и развития государственности, но это еще и важнейший фактор цивилизационного развития; цивилизованный мир признает Конституции и их установления скорее как суперценность, а не только как собрание имеющих высшую юридическую силу норм и правил. В этом смысле Конституция представляет собой мощнейшую духовно-консолидирующую силу, выступающую на стороне народа и всеобщего мира и согласия.

Библиография:

1. Аничкин Е.С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце 20 – начале 21 вв.: Автореф.

²³ Кравченко И.И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 3.

²⁴ Цит. по: Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. М., 2004. С. 492.

²⁵ Там же. С. 499.

- дисс. на соиск. уч. степени д-ра юр. наук. С.9 // Сайт ВАК Минобрнауки РФ. Объявления о защите докторских диссертаций. Юридические науки.
2. Громов М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. 1994. № 1.
3. Конституционное право России: Хрестоматия / Сост. А.П. Угроватов. Новосибирск, 2000.
4. Кравченко И.И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2.
5. Мамут Л.С. Конституционные основы современной российской государственности // Общественные науки и современность. 2008. № 4.
6. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3.
7. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник. М., 2004.
8. Пантин И.К. Ленин – большевизм – русская революция // Вопросы философии. 2005. № 4.
9. Платонов Г.В., Новикова Е.Ю. Духовность русского народа и наши реформы // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 6.
10. Сазонникова Е.В. Конституционное право и концепт «культура»: монография. Воронеж, 2011.
11. Сазонникова Е.В. Наука конституционного права России и концепт «культура»: вопросы теории и практики: Автореф. дисс...д-ра юрид. наук // Сайт ВАК Минобрнауки РФ: <http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=15260&from54=3>
12. Шмид У. Конституция как прием (риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России) // Новое литературное обозрение. 2009. № 6.
13. Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7.

References (transliteration):

1. Anichkin E.S. «Preobrazovanie» Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i razvitie konstitutsionnogo zakonodatel'stva v kontse 20 – nachale 21 vv.: Avtoref. diss. na soisk. uch. stepeni d-ra yur. nauk. S.9 // Sayt VAK Minobrnauki RF. Ob'yavleniya o zashchite doktorskih dissertatsiy. Yuridicheskie nauki.
2. Gromov M.N. Vechnye tsennosti russkoy kul'tury: k interpretatsii otechestvennoy filosofii // Voprosy filosofii. 1994. № 1.
3. Konstitutsionnoe pravo Rossii: Khrestomatiya / Sost. A.P. Ugrovatov. Novosibirsk, 2000.
4. Kravchenko I.I. Politicheskie i drugie sotsial'nye tsennosti // Voprosy filosofii. 2005. № 2.

5. Mamut L.S. Konstitutsionnye osnovy sovremennoy rossiyskoy gosudarstvennosti // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2008. № 4.
6. Mikhaylova L.I. Sotsial'noe samochuvstvie i vospriyatie budushchego rossiyanami // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010. № 3.
7. Mishin A.A. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran: Uchebnik. M., 2004.
8. Pantin I.K. Lenin – bol'shevizm – russkaya revolyutsiya // *Voprosy filosofii*. 2005. № 4.
9. Platonov G.V., Novikova E.Yu. Dukhovnost' russkogo naroda i nashi reformy // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2008. № 6.
10. Sazonnikova E.V. Konstitutsionnoe pravo i kontsept «kul'tura»: monografiya. Voronezh, 2011.
11. Sazonnikova E.V. Nauka konstitutsionnogo prava Rossii i kontsept «kul'tura»: voprosy teorii i praktiki: Avtoref. diss...d-ra yurid. nauk // *Sayt VAK Minobrnauki RF*: <http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=15260&from54=3>
12. Shmid U. Konstitutsiya kak priem (ritoricheskie i zhanrovye osobennosti osnovnykh zakonov SSSR i Rossii) // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009. № 6.
13. Ebzeev B.S. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: pryamoe deystvie i usloviya realizatsii // *Gosudarstvo i pravo*. 2008. № 7.